

АВТОНОМИЯ ВОЛИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

А. И. Поротиков, О. А. Поротикова
Воронежский государственный университет

AUTONOMY OF WILL IN CHOICE OF APPLICABLE LAW IN RELATIONS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT: CERTAIN CONTRADICTIONS IN LEGISLATION AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

A. I. Porotikov, O. A. Porotikova
Voronezh State University

Аннотация: анализируются проблемы законодательного регулирования соглашений о выборе применимого права в международном частном праве. Авторы сопоставляют абсолютный и ограниченный подходы к пониманию автономии воли, выявляют их эффективность. Уделяется внимание вопросам диспозитивности коллизионных норм, а также допустимости автономии воли в односторонних сделках, вещных отношениях, при неосновательном обогащении. Предпринимается попытка обсудить временные рамки для заключения соглашения о выборе применимого права.

Ключевые слова: автономия воли, соглашение (оговорка) о выборе применимого права, коллизионные нормы, диспозитивные нормы, договорный статут, односторонние сделки, неосновательное обогащение, вещные права, международное частное право.

Abstract: the article analyzes the problems of legislative regulation of agreements on the choice of applicable law in international private law. The authors compare the absolute and limited approaches to understanding the autonomy of will, identify their effectiveness. Attention is paid to the issues of the optionality of conflict rules, as well as the admissibility of the autonomy of will in unilateral transactions, property relations, and unjust enrichment. An attempt is made to discuss the time frame for concluding an agreement on the choice of applicable law.

Key words: autonomy of will, agreement (reservation) on the choice of applicable law, conflict of laws rules, optional rules, contractual statute, unilateral transactions, unjust enrichment, property rights, international private law.

Особенностью регулирования частных отношений с иностранным элементом, как известно, является коллизионный метод, предполагающий, что прежде чем разрешать спор по существу, правоприменитель (далее – суд) должен определить применимое право. Данный метод предполагает, что каждый суверен для своих судов создает специальный массив норм, именуемых коллизионными, в которых содержится ука-

зание на правовой порядок какого-либо государства, подлежащий применению в этом конкретном случае. Привязки коллизионных норм формируются на основе принципа «наиболее тесной связи», т. е. законодатель пытается создать формулу, в которую суд подставит определенные значимые для данного спора обстоятельства и получит право страны наиболее близкое к отношению и эффективное для разрешения спора.

Однако в некоторых сферах, в силу их природы, настолько существенны элементы саморегу-

лирования, что и в вопросах применимого права целесообразно полагаться на мнение участников отношений, которые лучше всех знают, какой национальный правовой порядок будет для них самым тесным и успешным. Именно природа частных отношений определяет появление свободы договора как базового принципа цивилистики и диспозитивных норм в качестве основы для его реализации. Эта идея в полной мере, зеркально, воспринимается и при регулировании трансграничных частных отношений, находя свое воплощение в диспозитивности коллизионных норм и закреплении «автономии воли» (*lex voluntatis*) в качестве основного начала международного частного права.

С принятием раздела VI ч. 3 Гражданского кодекса РФ¹ в России в полной мере оформляется соответствующий современным международным трендам подход, позволяющий непосредственно сторонам договорных отношений, осложненных иностранным элементом, самостоятельно выбирать к содержанию своих обязательств тот национальный правовой порядок, который они считают нужным. Автономия воли, далее, точно проникает и в институты, для которых диспозитивные начала ранее не были свойственны, – в деликтные и иные внедоговорные обязательства, в вещные отношения и т. п.

Реализация диспозитивных коллизионных правил требует заключения специальных соглашений о выборе применимого права, предусмотренных ст. 1210 ГК РФ. Специфика данной нормы заключается в том, что, с одной стороны, она вводит довольно широкие установления, касающиеся способа выражения воли сторон, момента выбора права, допустимости его дробления, а с другой – имеет много пробелов, требующих восполнения. Именно характер нормы повлиял на дискуссионность почти всех ее положений для науки международного права, а также на небесспорные варианты ее толкования и применения судами. Остановимся на нескольких таких аспектах подробнее.

Подходы к пониманию автономии воли.

Для коллизионного права различных государств характерны в сущности две модели закрепления и реализации свободы сторон при выбо-

ре ими применимого права: первый можно условно обозначить как «абсолютная автономия воли», а второй – как «ограниченная автономия». Критерием в данном случае является широта усмотрения, доступного для договаривающихся лиц.

В первом случае законодатель предъявляет лишь самые формальные и простые требования к выражению воли сторон и заботится только о том, чтобы их волюнтаризм не затрагивал бы права и интересы третьих лиц. Стороны вольны выбирать произвольно правовой порядок любого государства, который сочтут для себя удобным. Мотивы их выбора, связь с отношением, доступность выбранных норм, удобство для суда не имеют значения для действительности соглашения. Законодатель исходит из предположения о том, что стороны будут действовать разумно и в обоюдных интересах, раз они смогли договориться, а также что они, как никто иной, должны стремиться подчинить свое отношение праву, с которым имеется тесная связь.

Второй подход не позволяет сторонам договариваться о любом национальном правовом порядке в качестве применимого к их отношению, а прямо ориентирует на выбор только из нескольких, «претендующих» на регулирование в силу имеющегося значимого иностранного элемента. Чаще всего выбор предлагается сделать из личного закона сторон, места совершения значимого юридического действия (заключения или исполнения договора, причинения вреда и т. п.) или страны суда. Таким образом, стороны выражают свою волю, но в пределах заданных рамок.

Абсолютная автономия воли выглядит прямым следствием идеи саморегулирования частных отношений, построенных на началах добровольности, самостоятельности и рисковости, характерных для гражданского оборота. Она переносит ответственность за последствия выбора соответствующего иностранного права на самих участников отношений. Вместе с тем ее главным недостатком является то, что неразумный и непоследовательный выбор применимого права сторонами затронет, в конечном счете, не только их самих. Он создаст проблемы для суда, которому предстоит это иностранное право установить и применить, для взаимосвязанных отношений и для третьих лиц, на правах которых может сказаться раз решение спора. Нередко в качестве критики

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья : федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

такой широкой свободы усмотрения сторон приводят и аргумент «обхода закона», т. е. посягательство на некий общественный (публичный) интерес. Думается, что последний довод приходит в противоречие с презумпцией добросовестности участников гражданского оборота. Помимо сказанного, обход закона предполагает намеренное и целенаправленное поведение сторон по созданию (изменению) искусственного иностранного элемента, в связи с чем в договорных отношениях его достижение может обеспечиваться прямым «привязыванием» соответствующего иностранного элемента к искомому правопорядку. Использование соглашения о выборе применимого права в этих целях выглядит довольно наивно. В любом случае для профилактики или борьбы с обходом закона больше подходят нормы непосредственного применения («сверхимперативные» нормы), нежели дополнительные запреты в области выбора права сторонами.

Ограничительный вариант автономии воли является проявлением избыточной заботы и контроля суверена об участниках оборота, в то же время он может ориентировать стороны на выбор из тесных правопорядков и облегчать работу суда в определенной мере. Однако, как всё ограниченное, такой подход может быть менее эффективным для сторон договора и подталкивать их, в том числе, к созданию искусственных способов прикрепления. В конечном итоге, появившись как одно из средств борьбы с обходом закона, второй подход может быть его стимулятором.

Многие авторы задаются вопросами о преимуществах и рисках каждого из приведенных подходов. Вот, к примеру, мнение Дж. Чешира и П. Норта: «Если исходить из соображений удобства, то можно приветствовать такую неограниченную свободу сторон договора, поскольку она приводит к определенности там, где иначе всё могло бы быть неопределенным. Она устраняет всякие сомнения в отношении свойственного договору права и таким образом снимает необходимость в дорогостоящем и продолжительном судебном разбирательстве. Однако если исходить из соображений здравого смысла, то неограниченная свобода договора не столь привлекательна, поскольку при ее произвольном использовании стороны могут оказаться подчиненными такому праву, которое будет нереалистично до абсурда. И всё же существуют авто-

ритетные судебские высказывания в пользу неограниченной свободы выбора...»².

В России сегодня в качестве общего правила применительно к договорным обязательствам сделана ставка на «свободу плюс разумность», действует абсолютная автономия воли. «Стороны договора, осложненного иностранным элементом, в соглашении о применимом праве могут выбрать право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами (выбор нейтрального права)»³.

При этом в иных отношениях с иностранным элементом, где диспозитивные начала развиты слабо или не могут быть реализованы в полной мере, в качестве исключения применяется ограничительный подход.

В частности, согласно п. 3 ст. 1206 ГК РФ стороны могут договориться о применении к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на движимое имущество права, подлежащего применению к их сделке, без ущерба для прав третьих лиц. В данном случае ограничена и сфера применения автономии воли – до споров, касающихся приобретения и прекращения вещных прав исключительно на движимые вещи, – и сам выбор сведен до одной альтернативы вещному статуту – праву, применимому к сделке. В то же самое время, если к сделке стороны воспользовались широкой автономией воли, то и на приобретение или прекращение вещных прав на движимое имущество она распространится. Таким образом, при ограниченности сферы применения сам выбор может превратиться и в этом случае в абсолютно свободный. Подробнее о целях такого ограничительного подхода и проблемах с его реализацией остановимся далее в контексте анализа диспозитивности как предпосылки свободы воли.

Диспозитивность как условие автономии воли в МЧП

Автономия воли при выборе применимого права есть проявление на новом уровне – коллизионного, а не материально-правового регулирования отношений – принципа свободы до-

² Чешир Дж, Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова ; под ред. М. М. Богуславского. М., 1982. С. 248–249.

³ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24. Пункт 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

говора, свойственного частному праву. И, как и в материальном праве, выбор применимого права возможен только при условии, что коллизийная норма, подлежащая применению судом, относится к нормам диспозитивным.

Деление норм на императивные и диспозитивные – единственная классификация, закрепленная в законе, а точнее в п. 1 ст. 422 и п. 4 ст. 421 ГК РФ: «В случаях, когда условие договора предусмотрено нормой, которая применяется постольку, поскольку соглашением сторон не установлено иное (диспозитивная норма), стороны могут своим соглашением исключить ее применение либо установить условие, отличное от предусмотренного в ней. При отсутствии такого соглашения условие договора определяется диспозитивной нормой».

Таким образом, предпосылкой для реализации автономии воли в международном частном праве является коллизийная норма, содержащая «маркеры» диспозитивности («если отсутствует соглашение сторон о выборе права», «стороны вправе выбрать...» и др), и соглашение сторон (обоюдное, добровольное и отражающее действительные встречные воли), изменяющее законодательную привязку (объективный статут).

Довольно спорной с точки зрения идеи диспозитивности видится допустимость выбора применимого права лицом, совершающим одностороннюю сделку. Если толковать норму ст. 1217 ГК РФ буквально, то она не содержит указания на возможность ее изменения посредством выбора применимого права. Данное правило относится к числу гибких, но не диспозитивных. На гибкость указывает формулировка «если иное явно не вытекает из .... условий или существа сделки либо совокупности обстоятельств дела», позволяющая суду (не стороне!) определить в конкретном случае иное, более тесное применимое право, чем это предусмотрено законодателем.

Более того, как ранее отмечалось, диспозитивность предполагает, что замена правила, установленного законом, на правило, установленное сторонами, допускается только по соглашению, а не односторонним действием. Этим свойством объясняется, в частности, отсутствие диспозитивных норм там, где в силу различных причин нет и не может быть договора. К таким сферам, безусловно, относятся односторонние сделки, поскольку для их совершения необходимо и достаточно воли одной стороны.

Хочется согласиться с А. В. Асосковым, отмечавшим: «Теоретически в данном случае можно говорить о наличии не одностороннего выбора применимого права, а двустороннего соглашения, если под акцептом понимать конклюдентные действия кредитора по принятию исполнения или предъявлению требований о принудительной реализации возникающего из односторонней сделки субъективного гражданского права. Несмотря на свою практическую привлекательность, данная конструкция вступает в противоречие с особенностями теоретической природы односторонней сделки»⁴.

Именно в связи с изложенным трудно поддерживать расширительное толкование указанной коллизийной нормы Верховным Судом РФ в п. 44 постановления Пленума № 24: «По смыслу статьи 1217 ГК РФ лицо, принимающее на себя обязательства по односторонней сделке, вправе в тексте документа, фиксирующего условия совершения односторонней сделки (например, в тексте независимой гарантии), выбрать применимое право, которое будет регулировать обязательства, возникающие из такой односторонней сделки. Сферу действия выбранного таким образом права следует определять применительно к статье 1215 ГК РФ. Лицо, принимающее на себя обязательства по односторонней сделке, может осуществить или изменить выбор применимого права после возникновения соответствующего обязательства только с согласия кредитора в таком обязательстве»⁵.

Распространение автономии воли на выдачу гарантии поддерживали ранее и в доктрине⁶, с чем сложно согласиться. Односторонняя сделка сама по себе не способна инициировать гражданское правоотношение, так оно (отношение) предполагает всегда две стороны, а никого нельзя понудить к участию в частных отношениях. Такие сделки для возбуждения правоотношения

⁴ Асосков А. В. Коллизийное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Белоусов Д. В. Наличие иностранного элемента при осуществлении российским банком гарантийной операции // Банковское право. 2016. № 5. С. 27–31; Ерпылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 41–48.

ношения с необходимостью требуют либо ранее заключенного договора (например, договор поручения, на основании которого выдается доверенность), либо встречной односторонней сделки (например, объявление конкурса и заявка на участие в конкурсе). Следовательно, допуская возможность стороны в односторонней сделке выбрать применимое право, Верховный Суд РФ считает возможным связать этим односторонним выбором вторую сторону будущего правоотношения, что представляется недопустимым.

В частности, приведенный в п. 44 постановления Пленума ВС РФ пример о выдаче независимой гарантии при ближайшем рассмотрении подтвердит изложенные выше доводы. Для выдачи гарантии, являющейся односторонней сделкой, предварительно потребуется заключить соглашение между гарантом и принципалом, которое и определит их взаимоотношения. Если допустить, что применимое право будет избрано гарантом только в тексте независимой гарантии, то на какие споры это право получит распространение? Отношения «гарант – принципал» урегулированы ранее заключенным соглашением между ними, следовательно, если в нем нет указания на применимое право, вряд ли односторонний выбор гаранта будет справедливо распространять на эти отношения. А на спор с бенефициаром, которого с гарантом напрямую не связывает ни гарантия, ни соглашение, – тем более. Можно смоделировать только одну ситуацию, когда указанное в самой гарантии применимое право будет считаться результатом обоюдной воли: если в соглашении о гарантии, заключенном устно, стороны совершили свой выбор права, а доказательством такого выбора является текст самой гарантии. Однако утверждать это при несогласии сторон на момент рассмотрения спора судом будет невозможно.

Понимая, вероятно, не бесспорность своего толкования, далее в постановлении Пленум ВС РФ поясняет: «Положения статьи 1217 ГК РФ не применяются к вопросам, входящим в сферу действия других коллизионных норм. В частности, указанная статья не применяется к односторонним сделкам, связанным с изменением или расторжением договора (пункт 1 статьи 1215 ГК РФ), а также связанным с отношениями по наследованию (статья 1224 ГК РФ)».

Попробуем объяснить приведенные исключения. В первом случае односторонние сделки являются юридическими фактами не правооб-

разующими, а правопрекращающими, и в таком качестве могли бы обретать самостоятельность в материальном праве, т. е. не требовать встречной воли и сложного юридического состава. Думается, что для коллизионного права их роль как односторонних действий получает другую оценку: тут нельзя даже косвенно усмотреть хоть какой-то акцепт выбранного применимого права. Помимо сказанного, односторонний отказ от договора явно взаимосвязан с договором, который намерен прекратить, и поэтому расщепление договорного статута нецелесообразно.

А во втором примере еще проще – все нормы наследственного статута являются императивными, т. е. не позволяют выбирать применимое право, в том числе в рамках односторонних сделок.

Указания на исключения, приведенные ВС РФ, только утверждают в мысли о том, что конструкция односторонних сделок не может быть пригодна для диспозитивности, а односторонний выбор не должен связывать иных участников отношения. Таким образом, правильнее было бы вернуться от расширительного к буквальному толкованию ст. 1217 ГК РФ, исключив возможность автономии воли.

Еще одной дискутируемой проблемой является допустимость принципа автономии воли для вещных отношений трансграничного характера. Ранее отмечалось, что в п. 3 ст. 1206 ГК РФ применительно к способам приобретения и прекращения вещных прав на движимое имущество законодатель закрепил возможность выбрать вместо вещного статута договорный.

В последнее время всё чаще предметом обсуждения становится вопрос о введении для всей сферы действия вещного статута такой же возможности. Т. С. Любарская приводит обзор основных аргументов в пользу и против распространения автономии на любые вещные отношения с иностранным элементом, предлагая довольно обоснованный их анализ⁷. Но представляется, что за скобками остался аспект диспозитивности вещно-правового регулирования. Поскольку диспозитивная норма предполагает, что ее изменение или исключение ее применения для конкретного случая допускается только по соглашению участников, то залогом саморе-

⁷ См.: Любарская Т. С. Автономия воли сторон при определении вещного статута : аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 116–138.

гулирования отношений служит их относительный характер. Абсолютная модель отношений, как в материальном, так и коллизионном праве, исключает возможность их договорного регулирования, прежде всего по причине отсутствия круга договаривающихся лиц, а также в связи с неминуемым затрагиванием прав третьих лиц и публичной сферы.

Определенные практические сложности возникают при распространении диспозитивных начал на внедоговорные обязательства. В коллизионных нормах о деликтах, неосновательном обогащении (п. 4 ст. 1219, п. 3 ст. 1223 ГК РФ) с 2013 г. появилось следующее указание: «Правила настоящей статьи применяются, если между сторонами обязательства, ...не заключено соглашение о праве, подлежащем применению к этому обязательству (статья 1223.1)». До этого была распространена точка зрения о том, что во внедоговорных отношениях нет реальной возможности выбирать применимое право или такой выбор будет служить для умаления интересов слабой стороны и обхода закона.

Думается, что, несмотря на редкость достижения соглашений в области причинения вреда или кондикционных обязательств, они всё же возможны. Но и тут важно соблюдать два условия диспозитивности: отношение уже должно быть относительным, т. е. определены конкретные стороны (причинитель вреда – потерпевший и т. п.), а также отношение не должно сказываться на третьих лицах. Можно только приветствовать, что законодатель прямо их зафиксировал в ст. 1223.1 ГК РФ, установив, что выбор права следует совершать только после возникновения факта причинения вреда или обогащения и без ущерба для остальных участников оборота.

Вместе с тем остался не до конца разрешенным вопрос о том, как данные условия будут соблюдаться в случае, если стороны параллельно будут связаны и договорными отношениями, т. е. при соприкосновении с договорным статутом. Такие ситуации не редкость. Например, когда стороны подчинили основания и последствия расторжения договора выбранному к договору праву, но одним из последствий будет взыскание неосновательного обогащения. Или при реализации правила п. 3 ст. 1219 ГК РФ, гласящего: «Если из совокупности обстоятельств дела вытекает, что обязательство, возникающее вследствие причинения вреда, тесно связано с договором между потерпевшим и причинителем

вреда, заключенным при осуществлении этими сторонами предпринимательской деятельности, к данному обязательству применяется право, подлежащее применению к такому договору».

Практически в приведенных примерах выбор права к внедоговорным обязательствам будет совершен ранее появления юридических фактов, их вызывающих (причинения вреда или обогащения), в нарушение ограничивающих автономию волю условий, что может сказаться и на правах третьих лиц.

Проблемы определения временных границ для заключения соглашения о применимом праве

Законодатель в п. 3 ст. 1210 ГК РФ предусмотрел, что стороны вправе выбрать или изменить ранее выбранное применимое право, как в момент заключения основного договора (например, поставки, перевозки или подряда), так и после, снабдив более поздний выбор обратной силой при наличии двух условий: отсутствие ущерба для прав третьих лиц и не влияние на действительность сделки с точки зрения требований к ее форме.

Идеальным представляется выбор права к договорным обязательствам в момент заключения основного договора, в этом случае стороны смогут исходить из единых правовых представлений уже при его подписании, далее при исполнении – в регулятивной фазе их отношений, вне и без суда. А при возникновении спора для сторон не будет неожиданностью правопорядок, который определит суд, и не возникнет неудобств от ретроспективного эффекта того или иного правопорядка.

«Безусловно, ценность “поздних” соглашений о применимом праве с точки зрения их возможности служить в качестве ориентира для действий сторон, связанных с исполнением договора, потенциально ниже, но она компенсируется освобождением правоприменительного органа от процесса поиска применимой правовой системы на основании объективной привязки»⁸.

Вместе с тем норма не содержит указания на предельный срок для выбора применимого права, что порождает многочисленные предположения, дискуссии и неопределенность для практики.

⁸ Международное частное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. А. Кабатова. М., 2015. Т. 2: Особенная часть. С. 197.

Самыми распространенными версиями определения предельных временных границ для автономии воли являются следующие. Стороны могут выбрать применимое право:

- до прекращения договора / договорного обязательства / спорного материального правоотношения;
- до вынесения решения судом первой инстанции⁹;
- до окончания подготовки дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции;
- до вступления решения суда в законную силу, следовательно, до вынесения постановления судом апелляционной инстанции.

Анализ приведенных суждений позволяет сделать определенные заключения.

Ограничение автономии воли материально-правовыми сроками сделает невозможным в ряде случаев выбор применимого права посредством обмена процессуальными документами (иском и отзывом на иск, заявлениями сторон в суде и т. п.), поскольку к моменту обращения в суд материальные правоотношения сторон могут быть прекращены по различным основаниям. Если же отношения не прекращены на момент судебного разбирательства, то возникает проблема их соотношения во времени с процессуальными механизмами, включая итоговые судебные акты. Путем доведения первой идеи до абсурда предположим, что стороны могут выбрать применимое право и после окончательного разрешения их спора судом, при условии, что материальное отношение всё еще сохраняется. Абсурдность этой мысли позволяет заключить, что сроки существования материального правоотношения не должны быть ориентирами в определении пределов выбора применимого права.

Три следующих версии так или иначе связаны именно с процессуальной целесообразностью. В целях экономии зададимся изначально вопросом – на каком этапе рассмотрения спора судом требуется определить материальное право? Может ли суд производить разбирательство в отсутствие таких норм, например, до вынесения решения? Думается, что ответ однозначный – применимое право необходимо установить на

стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку на этом этапе суд обязан сформировать и разъяснить сторонам предмет доказывания по делу, распределить обязанности по доказыванию определенных обстоятельств, в том числе опираясь на материально-правовые презумпции. Сделать это возможно только при наличии соответствующих материальных норм. Все дальнейшие процессуальные действия по сбору, исследованию и оценке доказательств становятся бессмысленными, если не ясно, что именно и кому следует подтвердить или опровергнуть, не говоря уже о том, чтобы суд смог оценить круг вовлеченных в спор лиц, надлежащий характер средства защиты нарушенного права и т. п.

Всё сказанное приводит к выводу о том, что стороны должны быть ограничены судом первой инстанции временем до окончания подготовки дела, причем с учетом того обстоятельства, что выбранное ими или определенное судом на основании коллизионной нормы в отсутствие такого выбора применимое иностранное право еще требуется получить и установить его содержание, что тоже следует делать в рамках подготовки. По делам, связанным с иностранным элементом, процессуальные сроки на подготовку дела должны быть специальными, очевидно более продолжительными, чем по внутренним спорам. Суд должен разъяснять сторонам, что они вправе выбирать право в установленный самим судом в определении о подготовке дела срок, в противном случае право будет считаться не выбранным.

Казалось бы, предыдущие рассуждения должны предопределить отрицательный ответ на вопрос о выборе права в суде вышестоящей инстанции. И это во многом так. Однако, думается, что следует сделать два важных исключения для апелляционного суда, во-первых, для случаев, когда суд первой инстанции при рассмотрении дела вовсе не использовал коллизионный метод, проигнорировал механизм определения применимого права, немотивированно разрешил спор как национальный, а во-вторых, когда апелляционный суд перешел к рассмотрению дела по правилам первой инстанции. Но в этих случаях, надо полагать, выбор права сторонами также ограничен сроком, установленным судом, а не допускается вплоть до вынесения постановления.

⁹ См.: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов [и др.] ; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002. С. 424.

Библиографический список

Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Белоусов Д. В. Наличие иностранного элемента при осуществлении российским банком гарантийной операции // Банковское право. 2016. № 5. С. 27–31.

Ерпылева Н. Ю. Структура, форма и содержание банковских гарантий в международном банковском праве // Банковское право. 2011. № 2. С. 41–48.

Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Г. Е. Авилов, М. М. Богуславский, А. Ф. Ефимов [и др.] ; под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юрист, 2002.

Любарская Т. С. Автономия воли сторон при определении вещного статута : аргументы «за» и «против» // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 116–138.

Международное частное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. А. Кабатова. М., 2015. Т. 2: Особенная часть. 764 с.

Чешир Дж, Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С. Н. Андрианова ; под ред. М. М. Богуславского. М., 1982. 496 с.

References

Asoskov A. V. Conflict of Laws Regulation of Contractual Obligations. Moscow : Infotropic Media, 2012. 640 p. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus».

Belousov D. V. The Presence of a Foreign Element in the Implementation of a Guarantee Operation by a Russian Bank // Banking Law. 2016. No. 5. P. 27–31.

Erpyleva N. Yu. The Structure, Form, and Content of Bank Guarantees in International Banking Law // Banking Law. 2011. No. 2. P. 41–48.

Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article) / G. E. Avilov, M. M. Boguslavsky, A. F. Efimov [et al.] ; ed. by A. L. Makovsky, E. A. Sukhanov. Moscow : Jurist, 2002.

Lyubarskaya T. S. Autonomy of the will of the parties in determining the property status : arguments «for» and «against» // Bulletin of civil law. 2017. No. 4. P. 116–138.

International private law : textbook : in 2 vol. / ed. by S. N. Lebedev, E. A. Kabatova. Moscow, 2015. Vol. 2: Special part. 764 p.

Cheshire J., North P. International private law / trans. from English by S. N. Andrianov ; ed. by M. M. Boguslavsky. Moscow, 1982. 496 p.

Воронежский государственный университет

Поротиков А. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: 820080@mail.ru

Поротикова О. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса

E-mail: olga.porotikova@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.01.2025

Для цитирования:

Поротиков А. И., Поротикова О. А. Автономия воли при выборе применимого права в отношениях, осложненных иностранным элементом: отдельные противоречия законодательства и проблемы правоприменения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 301–308. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/301-308>

Voronezh State University

Porotikov A. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

E-mail: 820080@mail.ru

Porotikova O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

E-mail: olga.porotikova@mail.ru

Received: 23.01.2025

For citation:

Porotikov A. I., Porotikova O. A. Autonomy of will in choosing the applicable law in relations complicated by a foreign element: certain contradictions in legislation and problems of law enforcement // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 301–308. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/301-308>